

Валентин Лукошников

*И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...*

Ч. Рубцов

Бабаевские весны Николая Рубцова

*(Воспоминания В.И. Лукошникова
о пребывании Николая Михайловича
Рубцова в городе Бабаево)*

РА 1383155

Бологская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ОТ АВТОРА

За многие годы корреспондентской работы в районной газете в начале - «Новый путь», позже - «Ленинский путь», ныне - «Наша жизнь», мне многое довелось увидеть, познать, быть свидетелем и участником многих событий, происходивших в районе. Я не только рассказывал о событиях, фактах, но и снимал их на пленку. Неразлучный «ФЭД» всегда был со мной. За 30 лет работы в редакции (1956-1986 г.г.) на страницах газеты увидели свыше сотни, а может и тысячи фотографий, со знатными людьми района, передовиками производства, стройками, фотозтюдями природы края.

Посчастливилось мне встретиться, общаться и фотографировать поэта - таланта русской земли Николая Михайловича Рубцова. Я наблюдал за работой поэта в стенах редакции, бывал с ним в командировках, в семьях сотрудников, на отдыхе (1961, 1965, 1966, 1967 г.г.). Обо всем этом - мое повествование (только подлинные факты, подтвержденные публикациями в газете). Как это у меня получилось, судить вам, дорогой читатель. Отзывы и пожелания присылайте по адресу: г. Бабаево, ул. Механизаторов, д. 12, кв. 15 или РИК «Наша жизнь».

В.И. Лукошников

БАБАЕВСКИЕ ВЕЩЫ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ КОЛЯ РУБЦОВ

То, о чем я хочу поведать читателю, происходило более 45 лет тому назад. Жизнь доказано, что осмысление значимости, важности от прожитого, увиденного, наконец, случившегося по нашей или чьей-то чужой воле, происходит по прошествии многих лет, иногда – целой эпохи. События, явления, ситуации, случившиеся с тобой, с твоими близкими, знакомыми, очевидцем, участником которых ты стал, тогда казались незначительными, мелкими, не заслуживающими внимания. В силу какой-то необъяснимой инерции мышления мы просто не замечали этих важных явлений, подчас отмахивались от них, как от назойливых мух. Сегодня, когда минуло более четырех десятков лет, эти, казалось бы, незначительные, мелкие факты и фактишки, стали значимыми, весомыми, обросли новыми подробностями, новыми оттенками, красками, интонациями. Они приобрели новое звучание, новую сущность происходящего, имеют огромное общественное и гражданское значение.

Так было и в моем случае. Работая в редакции, встречаясь, общаясь, отдыхая на природе с Николаем Михайловичем Рубцовым, тогда просто Колей, я не задавался вопросом: «Кто же такой Коля Рубцов?» Ну, пишет стихи, очень недурные. Ну, кто в молодости этим не баловался?

Работа в газете выматывала сотрудников изрядно. Но было такое емкое слов «надо». Надо было делать газету, материал к утру должен быть на столе у редактора. Николай работал много, с упоением, не меньше, чем мы. Пожалуй, больше. Не раз наблюдал, как, умаявшись от работы, от постоянно «звенящей» в нем музы, он ронял голову на стол и посапывал. Обычно такое состояние длилось очень недолго. Через 10-25 минут его можно было видеть работающим. Он снова был бодр, весел и ... творил.

Больше всего мне запомнились поздние посиделки в редакции после рабочего дня. Иногда мы засиживались до утра. Было так здорово, интересно. Такие вечерние бдения Николай Рубцов очень любил, был очень веселым, умным рассказчиком и собеседником. Подчас, увлекшись работой, засыпали за столами. Вспоминается такой случай. Время двигалось к полуночи. Самый молодой из нас литературный сотрудник Вилиор Андреевич Иванов, не выдержав навалившейся на него усталости, громогласно выдал: «Ребята, баста, боль-

ше не могу! Айда по домам! К тому же завтра рано вставать – командировка нам светится». Николай Рубцов пропустил этот вопль души мимо ушей, еще ниже склонился к столу. Вилиора поддержал другой сотрудник Валерий Аншук: «Право, друзья, пора закругляться, не выспимся, да еще командировка на носу». Наконец-то сдался и Николай. Шумной ватагой вываливаемся на улицу, разбегаемся по домам. Николай направляется на ночлег в Дом колхозника.

В те годы я не замечал за Рубцовым что-то такого сверхординарного. Простой, очень застенчивый, скромный парень, небогато одетый. Очень не любил выделяться среди людей, был похож на каждого из нас. Стихи Николая нам всем нравились. Они были очень музыкальны, отличались особой притягательной силой, мощностью, которую нельзя было измерить никакими мерками. Они, как будто прорастали из родной матушки-земли, Сыном которой он являлся. Что с нами рядом талантливый поэт, мы это чувствовали, понимали, но объяснить этого тогда не могли. А сам Николай – не кичился, не кричал на всех перекрестках, какой он талантливый и хороший поэт. Слава придет к нему позднее. Это произойдет лет через 5-6, когда он издаст первые свои сборники «Лирика», «Звезда полей», «Сосен шум», «Подорожники». А пока он малоизвестный Коля Рубцов.

Чем все-таки больше всего запомнился мне Николай Рубцов? Первое, что мне бросалось в глаза – это постоянная задумчивость. Он как бы витал сам в себе. Часто он не слышал, что ему говорят, о чем спрашивают. И, не случайно, позже он опишет это состояние души: «Звенит, ее не остановишь...!». Это он о своей музе скажет. Мы-то в это время молодые чаще думали о себе, своих проблемах, и не догадывались, что в его голове происходит. Кто бы мог подумать, что его голова никогда не знала покоя, не отдыхала, она трудилась день и ночь. И Коля не в силах был остановить, изнуряющий душу поэта, процесс творчества. Нам мнилось: «Ну, такой характер у человека, что с этим поделаешь?». И мирились с его «причудами», молчаливостью, подчас угрюмостью. Нам и в голову не приходило, что поэтический творческий процесс владеет им всецело и безраздельно. И, подчас, незаслуженно и, не ведая того, обижали человека, вторгаясь в святая святых – поэзию Николая Рубцова-поэта. Для него же это было – состояние души, естественное состояние человека, делающего свое многотрудное дело литератора от Бога.

В редакции Коля работал за соседним столом. Уперев локти в стол, устремив свой взор в одну точку, чаще в потолок или окно, сидел, не шелохнувшись, минут 15-20. В эти мгновения он был где-то далеко-далеко. Видно было, что для него ничего земного в это время не существует. Мне, сидевшему напротив Коли, в эти минуты становилось не по себе. Я чувствовал себя лиш-

ним. По опыту я знал, что в такие периоды отрывать его от процесса нельзя. Поэт этого не любил, очень сердился, долго хмурился. На этот раз безмолвие длилось дольше обычного. Я, все же, осмелился тихонько спросить: «Николай, с тобой все в порядке?». Ответ последовал не сразу. Как бы, очнувшись от сна, Рубцов с извиняющей улыбкой ответил: «Все в порядке, Валентин, малость задумался». Такое случалось не раз и не два. Я уже привык к этому и всякий раз оберегал гостя от непрошенных собеседников, предупреждая сотрудников, чтобы они не отвлекали поэта. Сделать это было нелегко, так как комната, где мы работали, была проходной. Случалось так, что кто-либо из проходящих, отвлекал Николая от дела. Он очень сердился, хмурился, долго курил. Ему трудно было настроиться на рабочий режим. Вроде бы незначительный факт, а Рубцову это стоило большого труда, мешало творить. Эти безмолвные паузы многим казались чудачеством, а для него это был способ существования, состояние души. И как они были ему нужны! И я не сразу понял это. Только познав Рубцова в деле, я уразумел, насколько важны эти паузы для поэта. А как необходимы были для него ночные бдения в стенах редакции! Душа поэта требовала какой-то отдушины от повседневной суеты жизни. Это были глотки свежего воздуха среди друзей и собратьев по перу.

Еще одно маленькое наблюдение. Я обратил внимание на то, как Коля был непривередлив к еде. Питался он очень нерегулярно. Иной день он вообще не обедал: пожует булочку с сырком – и все. Как птичка небесная, клонет зернышко, другое – и сыта. Пища, как таковая, нужна была ему, чтобы жить, творить. Как предмет сытости – она его мало интересовала. Порой приходилось силой вытаскивать его из-за рабочего стола, чтобы поесть. Я ни разу не видел, чтобы Николай запасал продукты впрок. Великим событием было обнаружение в кармане завалявшейся карамельки. Не любил разносолов, избегал богато накрытых столов. Он их просто не замечал, питался тем, что Бог пошлет. Да и денежки в кармане редко водились. Позже он напишет: «Стукнул по карману – не звенит...».

То же самое можно сказать об одежде. Одевался Коля небогато, но со вкусом. Пиджак, рубашка, брюки всегда были проглажены. В опрятности отказать ему было нельзя. Другое дело, что одежда его была далеко не новой. Но для него это значения не имело. Важнее было то, что он мог всецело отдать себя любимому делу – поэзии, что его окружали люди, друзья, которые понимали его и любили, что он жил в атмосфере, позволяющей ему быть в ладу с любимой музой. Он запросто мог отдать новое пальто другу, у которого его не было, мог поделиться с людьми всем, что имел, хотя сам постоянно нуждался в помощи (я имею в виду вечное безденежье).

Как очень точно подметил литературный критик, рубцовед Вадим Кожин: «Далеко не все и тем более не сразу понимали, каким редкостным поэтическим даром наделен этот небогато и небрежно одетый шуплый человек, ... - что многим мешало увидеть глубокое горячее свечение небольших глаз и выражающую душевную сосредоточенность складку широких губ». (В. Кожин. Николай Рубцов. Писатели Советской России. С.16. М.: Советская Россия. 1976).

Нельзя умолчать и о такой черте Николая, как быстрая смена настроения. Помню, как он возбужденно, с нескрываемым восторгом рассказывал о командировке в старинное село Борисово-Судское (селу около 400 лет): «Красотища неопишная, не село, а былина». Он называл село «былинным», где русский дух, где Русью пахнет. И через минуту, чуть не плача, рассказывал, как потрясла его встреча с воспитанниками детского дома. Он очень переживал, что ничем не может помочь детям-сиротам.

Говоря о поэзии Николая Рубцова необходимо вернуться к началу знакомства с его поэзией. Впервые с его стихами я познакомился года за 2-3 до личного знакомства. Его стихи публиковались в областных газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», «Комсомольской правде», в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Современник» и др. Помню, впервые в 1963 году прочитал стихотворение «В горнице». Оно меня потрясло, заворожило. Я не мог работать, повторял строки, как молитву. На душе становилось светло, как в рубцовой горнице. Представлялась деревенская горница, залитая каким-то неестественным божественным светом. И не от солнечных лучей, что бывает обычно, а от света «ночной звезды». Только яркому таланту дано увидеть яркий свет от ночной звезды. И далее образ, олицетворяющий матерей всей земли: «Матушка возьмет ведро, молча принесет воды...». Не мать, не мама, а - матушка. Слово-то, какое теплое, обладающее самым сладостным запахом материнского молока. И от этих, точно найденных поэтом, слов, становилось светло и тепло на душе. Не отпускали стихи Рубцова, заворачивали душу так, что становилось не по себе от какой-то неожиданно нахлынувшей радости. Затем появились в печати «Березы», «Видения на холме», «Тихая моя родина», «Зимняя песня» и др. Стало очевидно – на литературном небосклоне возшло нечто светлое, прекрасное во всех ипостасях поэзии земли русской, родился талант, которого мы все ждали. Мы в редакции зачитывались стихами поэта, с нетерпением ждали новых.

ВСТРЕЧИ С НИКОЛАЕМ РУБЦОВЫМ

В один из дней весны 1961 года в приемной редакции появился сам Николай Рубцов. Я в тот день на работу пришел рано, ждал прихода машинистки Антонины Михайловны Купцовой, чтобы срочно отпечатать материал в очередной номер газеты. Гость подошел ко мне и отрекомендовался: «Рубцов Николай». В свою очередь представился и я: «Лукошников Валентин». Мы обменялись крепким рукопожатием. Гость поинтересовался – на месте ли редактор. Я ответил утвердительно и пригласил Николая пройти к шефу в кабинет. У редактора Николай пробыл довольно долго. Затем, вместе с шефом, гость последовал к моему столу: «Валентин, организуй рабочее место Николаю, он у нас поработает» - сказал редактор. Мне приказание шефа выполнить не составило труда. Напротив моего рабочего места стоял свободный стол. Здесь я и усадил гостя, обеспечив его всем необходимым: ручкой, бумагой, чернилами. Николай сразу же окунулся в творческий процесс. По-моему, он очень спешил закончить какую-то срочную работу. На столе были хаотично разбросаны листы с напечатанными стихами, рядом лежали черновики с еще невысохшими чернилами. Он готовил к изданию сборник стихов. Какой, я тогда не догадывался, а спрашивать было неудобно. Только спустя много лет, сопоставив факты и время, я смею утверждать, что Николай готовил сборник «Волны и скалы» в самиздате, который помог ему опубликовать его друг – ленинградский поэт Борис Тайгин. Сборник вышел в 1962 году в нескольких экземплярах. Этот самиздатовский сборник помог Рубцову поступить в Литературный институт в Москве. А пока он в нашей редакции собирал разрозненный материал.

В этот приезд он пробыл у нас всего несколько часов, вечерним поездом уехал в северную столицу – Ленинград. Но все же... мы успели познакомиться с живым поэтом, наблюдали за его работой, слышали его голос, с обожанием глядели и слушали умного собеседника, интересного рассказчика. Для сотрудников редакции, для меня лично – это было событие огромного значения. Встретимся ли мы еще с ним? Время покажет.

Вторая встреча состоялась весной 1965 года. В этот раз он пробыл в Бабаеве дольше, несколько дней работал в редакции, был сосредоточен, много писал. Мне казалось, что Николай чем-то был озабочен, в душе у него что-то назревало. Что тревожило поэта – осталось загадкой.

В один из таких весенних дней, когда время близилось к обеду, Николай, порядком измочаленный работой, громко сказал: «Баста, ребята, пора перекусить!». Всей ватагой – я, Николай Матвеев, Николай Рубцов – вывалились на улицу. Был прекрасный солнечный день, наполненный запахами цветущей че-

ремухи, крепким ароматом со-
сновых почек. По пути к столо-
вой Николай Рубцов вдруг пере-
думал: « А, ну, эту столовку, по-
шли на стадион, воздухом поды-
шим». Проходя мимо магазина,
купили кое-что перекусить и дви-
нулись на стадион «Локомотив».
Во время трапезы к нам, весело
квохча, подошли курочки. Нико-
лая, как будто, подменили. Он
повеселел, глаза-изюминки излу-
чали искрящийся свет, он счаст-
ливо улыбался. «Валентин, пус-
кай в дело свой «Зенит», фото-
графируй нас с этими милыми
созданиями, видишь, здесь я
свой!». Я сначала не поверил,
думал, шутит Николай. Но, взгля-
нув на сияющие от счастья глаза
гостя, понял, нет, не шутит. Мой

«Зенит» щелкнул затвором раз-
другой. На снимке Николай Рубцов (справа) и местный детский поэт Николай
Иванович Матвеев. На другом снимке сфотографировался с Н.Рубцовым ав-
тор этих строк.

За текучкой дел в эти дни пленку проявить не успел (уехал сдавать госу-
дарственные экзамены в Ленинградскую Высшую партшколу). Так Коля и не
увидел себя с курочками на фото. Проявил пленку и отпечатал фотографии в
июле 1965 года. Снимки получились отличные, четкие. Но их ждала трудная
судьба. При жизни Рубцова, а ему тогда было только 29 лет, фотографии не
увидели свет. Отпечатав фотоснимок (Н.Рубцов с местным поэтом Н.Матвее-
вым) я предложил тогдашнему редактору Александру Матвеевичу Хорьговс-
кому опубликовать фото с подборкой стихов. Мы радовались, как дети: нако-
нец-то в нашей районке появятся стихи любимого поэта вместе с фотографией.
Но наша радость была преждевременной. На мое предложение, я услышал: «А
кто такой Рубцов, чтобы публиковать его фото в нашей газете?». Крыть шефа
мне было нечем. Поэт-то еще не был известен широкому кругу читателей.
Пришлось положить фотографии в мой архив до лучших времен.

Первый снимок (фрагмент фото, Н.Матвеев был вырезан) увидел свет только через 11 лет, тогда, когда я стал заместителем редактора газеты «Ленинский путь». Фото вместе с материалом Г. Соколовой было опубликовано 13 июля 1976 года. Второй снимок пролежал в архиве более 30 лет и был опубликован в нашей районной газете в 1996 году.

Ранее я рассказывал, какое огромное впечатление испытывали все мы от стихов Николая Рубцова. Забегая вперед, скажу, что поэзия Николая Рубцова сыграла огромную роль в становлении наших местных поэтов Вилора Андреевича Иванова, Николая Ивановича Матвеева, Валерия Федоровича Аншукова, Павла Михайловича Груничева и других. Позже я коснусь творчества этих поэтов.

Следующая встреча состоялась зимой 1966 года. Эта творческая командировка была более длительной и богатой событиями. Вот как это было. Несколько сотрудников собирались в командировку. И в это же утро к нам приезжает Николай Рубцов. Услышав, что мы едем в село Борисово-Судское, Николай встрепенулся: «Ребята, а мне можно с вами поехать?». Просьба Рубцова нас озадачила: «Что гость будет делать в Борисове?». Но он продолжал: «Я много слышал об этом старинном селе, очень хочется взглянуть на него». Нам пришлось уступить просьбе гостя.

Редакционный «газик», повидавший на своем веку немало командированных и исколесивший не одну тысячу километров сельских дорог, резво побежал по зимней дороге, скрипя старенькими рессорами, подпрыгивая на ухабах. Ехали весело. Николай все выспрашивал подробности из истории старейшего в районе селения. Целью моей поездки был колхоз имени XX I съезда КПСС, где председательствовал Василий Сергеевич Басников. Николай Рубцов получил задание написать очерк о передовом председателе этого хозяйства. Приехали в Борисово. «Нам, Николай, надо в Пожары (центр колхоза)» - напо-

На снимке: слева - В. Лукошников, справа - Н. Рубцов.

минаю гостю. «Я останусь здесь, познакомлюсь с селом» - говорит Рубцов. Вместе с другими сотрудниками он остался в Борисове. Я же поспешил к месту назначения.

В этот день он побывал в одной из школ, встречался с ее учителями. Посетил детский дом, пообщался с воспитанниками. Ребята принимали гостя тепло, задавали вопросы. Николай был очень рад этой встрече, много шутил. Позже он взволнованно рассказывал: «Какое это несчастье, когда дети воспитываются в детдомах, не видя родительской ласки. Много я бы отдал, чтобы чем-то помочь им». И очень сокрушался, что не может этого сделать. Поэт был сам в тяжелом материальном положении. В те годы он существовал (иного слова не могу подобрать) на скудные гонорары, которые получал за опубликованные в газетах и журналах стихи. Сборник стихов «Звезда полей» был почти готов, но еще не напечатан. Трудно жил гениальный поэт, но верил в лучшее будущее.

Знакомясь с селом, он не переставал восхищаться красотами Борисова: «Сказка, былина! Здесь Русь, здесь Русью пахнет!» - восклицал Николай. Когда смотришь с моста на реку Суду вверх по течению, взору открывается изумительная панорама: крутые берега, вековые сосны, спускающиеся по склонам, избы, живописно раскинувшиеся по обоим берегам реки – прямо-таки былинные, русские места. Восторгам поэта не было границ: «Обязательно приеду сюда летом, искупаюсь в Суде» - мечтал он. Не приехал. Не успел.

Задание же редакции – написать очерк о председателе колхоза В.С.Басникове, Рубцов не выполнил. Для этого он должен был приехать в деревню Пожары, чтобы побеседовать с председателем (таков был уговор у меня с ним). Но в правлении колхоза он так и не появился, тем самым подвел меня, так как я перед редактором за него поручился. Ни на следующий день, ни позже очерк редактор не увидел. «Почему?» - вправе спросить читатель. А все потому, что Николай Рубцов не умел, не мог писать по заданию, по указке сверху. Он мог и умел писать только по зову своего сердца и души. В этом весь Рубцов-поэт, с этим не поспоришь.

В то время, к тому же, волновала меня материальная сторона дела. Перед поездкой Рубцов получил в бухгалтерии аванс 15 рублей (я упросил редактора помочь Николаю материально). Деньги по тем временам немалые, если учесть то, что ставка редакционной машинистки была всего-навсего 36 рублей. И, на тебе, такой удар ниже пояса.

К чести Рубцова, аванс этот он отработал. Подготовил подборку стихов, которая и была опубликована в нашей районке. Стихи были великолепные. Среди них: «Родная деревня», «Хозяйка», «Таковы на Руси леса», «В родных

местах», «Отправляясь в дорогу» («ЛП» за 15.01.1966г.) Не мог Николай подвести товарища, и не подвел.

В этот приезд Николай Рубцов присутствовал на занятии литературного кружка, работавшего в те годы при редакции. Кто-то из слушателей попросил Николая прочитать стихи. Присутствующие дружно поддержали просьбу. Николай долго не соглашался. Ребята настаивали. Наконец, Рубцов согласился. Запомнился его голос, чуть глуховатый, взволнованный:

*«Люблю я деревню Ни́колу,
Где кончил начальную школу...»*
(«Родная деревня».)

Воцарилась тишина, все слушали, затаив дыхание. А негромкий голос звучал:

*«В этой деревне огни
не погашены,
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами
нежно украшена
Тихая зимняя ночь...»*
(«Зимняя песня».)

Вспоминает Нина Александровна Смирнова (в девичестве Купцова): «Я тогда училась в 9 классе бабаевской средней школы № 1. В 1965 году наша страна отмечала 20-летие Победы над фашизмом. В Москве с большой торжественностью было произведено перезахоронение на Красной площади Неизвестного солдата. Вся страна оплакивала это событие. Под влиянием этого я написала рассказ «Мать», его напечатали в нашей районке и предложили мне стать членом литературного районного объединения. Тогда возлагали большие надежды на молодых дарований. Вместе со мной из молодых занимался в объединении Евгений Некрасов, впоследствии работавший журналистом в «Вологодском комсомольце» и редактором газеты «Красный Север». Собирались мы примерно один раз в месяц. В январе 1966 года нас пригласили на очередное заседание. Руководил объединением Валерий Аншуков. Необычна была обстановка в этот раз, я бы сказала, что какая-то приподнято-торжественная. Только потом я поняла, что причиной тому был поэт из Вологды – Николай Рубцов. Сидел он от меня слева наискосок. Скромный, незаметный, похож на подростка, одет во что-то темное. Голос тихий, проникновенный, читал нам свои стихи. Стихи были замечательные, что-то про деревню. Помню, что после того, как он закончил читать, долго стояла тишина. Никто не осмеливался заговорить. В тот момент я почувствовала, что все присутствующие относятся к нему

с огромным уважением».

Трудно передать все это словами, надо было слышать, осязать. И только сейчас, спустя более 40 лет, сознаешь – слушателем, очевидцем какого редкого явления ты был. Да! Нам посчастливилось слышать голос большого поэта, талант которого будет признан много позже.

Прочитав несколько своих новинок, Рубцов вышел в прихожую, долго курил. Вернулся, когда занятия закончились. Лицо его было спокойное, он чему-то улыбался.

Меня поражала скромность, незащищенность поэта. Он старался быть незаметным, не выпячивая свое «я». Старался слиться с окружающими людьми, понять душу простого народа. Как истинный поэт, он всем своим существом чувствовал свое единство с народом, неразрывную связь с окружающим миром, природой, чувствовал себя частицей мироздания. И это мы слышим в его поэзии:

*«С каждой избою и тучю,
С громом,
Готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь».*

(«Тихая моя родина».)

Очередное посещение бабаевской земли поэтом – апрель-май 1967 года. Николай тогда пробыл в Бабаеве более месяца. И на этот раз он прибыл в разгар весны, когда сиреневый туман заполнил улицы небольшого городка. Это был прощальный визит. Больше с Николаем Рубцовым свидеться мне было не суждено. Через четыре года поэт трагически погиб. А пока он у нас в редакции полон задумок. Именно весна больше других времен года импонировала поэту, именно в эти весенние дни к Рубцову приходило поэтическое вдохновение, работалось легко, радостно. Позже он вспоминал, как ему было хорошо у нас: «Вот всегда бы так работалось! Сколько можно было хороших вещей написать: целую книгу». Так оно и было. В это время поэт написал и опубликовал десятки своих лучших стихов. Он работал неделями в стенах редакции. Некоторое время снимал комнату на улице 1 Мая в доме № 31 у хозяйки дома Натальи Николаевны Байковой. По устным воспоминаниям друга поэта - Николая Ивановича Матвеева, Николай Рубцов пробыл у нас почти полгода. Мне думается, что Матвеев ошибается, указывая слишком большой срок пребывания поэта в Бабаеве. Ясно только одно – этот период пребывания в нашем городе был из всех самым длительным. Только в стенах редакции поэт трудился более двух недель, заканчивая подготовку к печати сборника «Звезда полей». Об этом

важном отрезке времени следует рассказать поподробнее.

Приехал он в начале апреля 1967 года. В редакцию ворвался как метеор, какой-то возбужденный, радостный. Его как будто что-то распирало изнутри, готовое вот-вот вылиться наружу. И это что-то – новый творческий подъем. Он и вылился – в азартный, всепоглощающий творческий бум. Николай работал как чумной, забывая про еду и отдых. Он очень спешил сделать что-то очень важное и значимое для него. Это, важное, нетерпящее отлагательств дело, было: закончить Сибирский цикл стихов (перед этим он побывал в Сибири, на Алтае). Он был переполнен всем тем, что там увидел. Планов и задумок – уйма. Все это надо было выразить на бумаге в стихах. Спешить, писать, писать – преследовало поэта. Он очень спешил, и делал неимоверно много, подчас засыпая за столом. Мы с тревогой и опаской наблюдали за этим «сумасшествием». Очень боялись срыва, оберегали, как могли. Видели бы вы, как он работал! Не каждому здоровому человеку такое по плечу. А Коля был таким щупленьким. «Выдержит ли?» – думали мы. Выдержал. Написал, что задумал.

В один из таких напряженных дней, когда дело близилось к концу рабочего дня, вконец измочаленный работой, Николай вышел покурить. Обычно, уходя, он убирал черновики в ящик стола. Тут видим (я и литературный сотрудник Н.Матвеев) на столе лежит черновик, на котором четким почерком Рубцова написано:

*«В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные ашлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...».*

Факт неоспоримый: стихотворение «Шумит Катунь» поэт заканчивал у нас в редакции. И, как дань и благодарность нам, бабаевцам, было великодушное решение Рубцова – впервые опубликовать это произведение в нашей районной газете «Ленинский путь». Это случилось 8 апреля 1967 года («ЛП» № 43). И не только этим стихотворением отблагодарил нас поэт. Чуть позже, 22 апреля этого же года, опять же впервые на страницах газеты увидели свет стихотворения «Ворона», «Медведь». В это же время напечатаны стихи «Море», «Высокий дуб», «Глубокая вода» и другие. Как дети, сотрудники редакции радовались новым произведениям нашего гостя.

ДРУГ ВСЕГДА УСТУПИТЬ ГОТОВ МЕСТО В ШЛЯПКЕ И КРУГ

Воссоздавая картину, колорит тех незабываемых дней, событий нельзя уйти от вопроса моих личностных отношений с Николаем Рубцовым. Утверждать, что поэт был моим другом, я бы не осмелился: слишком мал был период знакомства. Чтобы другом быть, надо прожить вместе многие годы, «не один пуд соли съесть». Настоящая дружба проверяется и крепится временем, испытывается совместно прожитыми трудностями и радостями. Скажу откровенно: у нас с Николаем были теплые, доверительные, товарищеские отношения. Не набивался я в друзья к Рубцову. И, мне думается, он это чувствовал, понимал. Николай обращался ко мне очень корректно и уважительно. И этому я нахожу объяснение. Во-первых, я был на десяток лет его старше. Во-вторых, как известно, Рубцов не любил партийных номенклатурщиков, чиновников-власть-придержавших (его слова, высказанные в разговоре). По его разумению (особенно в первые встречи) я был из их когорты: заместитель редактора (номенклатура райкома КПСС), к тому же много лет непрерывно возглавлял партийную организацию редакции. Отсюда и отношения соответствующие, пока не познакомились поближе.

Произошло это случайно. Он спросил меня о семье, в частности об отце. И тут выяснилось, что в наших судьбах много общего. Как и Коля Рубцов, я рос без отца в многодетной семье (отец умер, когда мне было 8 лет). Кроме меня в семье еще было шестеро детей: три брата и три сестры. Мать постоянно болела, а однажды и вовсе слегла, ее увезли в больницу города Архангельска. Нас, малолетних: сестренку Надю, Тамару и меня, определили в детский дом, где мы пробыли полтора года. Позже мама поправилась и взяла нас домой. Каково ей было воспитывать нас семерых, к тому же всех надо было учить. Одной одежки – не напасешься. Хватили лиха сполна. Но все выучились, стали людьми. Три брата прошли всю войну, средний – Олег – погиб в 1942 году. Старший брат – Игорь – командовал танковым батальоном, в битве под Прохоровкой дважды контужен, горел в танке. Старший – Авинир – корабельный кок, тоже был ранен. Ушли из жизни рано.

Когда я рассказывал Николаю о своей семье, он чуть не плакал, с трудом сдерживал слезы. Оказалось, что мы оба – архангелогородцы (по месту рождения), земляки, значит. Позже Коля очень извинялся, что невольно причинил мне боль. Николай тоже рос без отца, воспитывался в детском доме. Вот такое, в общем-то, невеселое совпадение наших судеб.

После такого «сближения» отношение Николая ко мне сильно изменилось. Нам даже стало легче общаться друг с другом. Николай стал предупредительный, открытый. Во время совместной работы в редакции я заметил, что, обращаясь ко мне, он как-то, по особому мягко, я бы сказал, с нежностью, произносил мое имя - Валентин. Позже, как-то в разговоре, он сказал: «Какое у тебя, Валентин, красивое имя, как мягкие и теплые валенки». Кстати, Коля любил валенки. К сожалению, не всегда они у поэта были. Я был очень благодарен Рубцову за эти теплые слова.

Как правило, по всем материальным (денежным) вопросам Коля обращался ко мне, хотя были у него в редакции молодые друзья. Аванс ли попросить, денег занять – Николай - ко мне. Иногда я раздумывал: почему именно ко мне, ведь и у других деньги водились. А все очень просто – доверял он мне, знал, что никто другой не выручит его, как я. А надо заметить, обычно, приезжал поэт к нам «без гроша в кармане». Подозреваю, что и в поезде в Бабаево он ехал «зайцем». Материальное положение его в те годы настолько было плохо, что заставляло поступать его так, а не иначе.

Не было случая, чтобы по прибытию к нам, Рубцов не просил меня посодействовать в выдаче аванса. Как всегда, я шел к редактору просить разрешение – выдать гостю аванс (обычно 3-5 рублей). Если не было в кассе редакции наличных денег, я ссужал ему свои. Он всегда благодарил за услугу. Долги Коля возвращал аккуратно. Чаще аванс погашался напечатанными строчками стихов.

Поэт был человеком пунктуальным, на работу приходил точно к началу рабочего дня, словно работал в штате редакции. Как-то пришел взбудораженный, невыспавшийся. Грузно шлепнулся на стул, замер, склонив голову на стол.

- Николай, что случилось, заболел?

- Хуже, не выспался и расстроился очень: ведь так много надо сделать.

Случилось то, чего он больше всего боялся, он сорвался. Накануне, придя в свой номер, он застал нового постояльца. Комната была завалена коробками, чемоданами, баулами. За столом, заставленным бутылками, фруктами и другой снедью, восседал порядком захмелевший мужчина кавказской национальности. Это был армянин, торговавший на местном рынке. Сняв немалый куш, он обмывал свой успех.

- Садись, друг, выпей за мой радость, - пригласил он Николая.

- Не могу, я работать приехал.

- Ночь, какая работа?

- Я стихи пишу, мне никак сегодня нельзя.

Южанин был настойчив:

- Ты меня не уважаешь?
- Уважаю, но пить не буду, не могу!
- Почему не можешь, больной что ли?
- Да, не больной, поэт я, стихи пишу, понимаешь.
- Понимаю, но я прошу тебя, друг, уважь человека с Кавказских гор. Тост произнеси, хорошо посидим.

Доконал армянин поэта, достал. Долго горец бормотал тосты. Сам не спал и Рубцову не дал покоя. Вот и пришел Коля на работу взлохмаченный, невыспавшийся, сам не свой.

Долго сидел наш гость за столом хмурый, смоля папиросу за папиросой. Воцарилось молчание. Мне было жаль Николая: еще вчера он был таким жизнерадостным, шутил остроумно. Сегодня его словно подменили, от веселости не осталось и следа.

Сотрудники занялись делами. Мы остались вдвоем. Вдруг он встал, придвинулся ко мне вплотную, тихо шепнул мне на ухо: «Валентин, у тебя деньги есть?». «Да» - говорю. «Сходи, купи красненького бутылочку». Я сбегал в магазин, благо он был рядом с редакцией, взял бутылку «портвейна», такие бутылки в народе окрестили «бомбами». Вручил «бомбу» Коле, принес стакан. Он налил стакан и, не спеша, выпил. Мне выпить не предложил, так как знал, что я не пью, тем более в рабочее время. Затем он облокотился на стол, устремил взор в окно и замер. Так продолжалось довольно долго. Не отрываясь от дел, я исподволь наблюдал за Николаем. Минут через 10-15 гость глубоко вздохнул, повернул голову в мою сторону. На его лице заиграла едва заметная улыбка, глаза повеселели, в них появились искорки-хитринки. Взял ручку, пододвинул ближе лист бумаги и уже совсем другим голосом выдал: «Вот теперь можно и поработать, не люблю сидеть без дела».

В этот день к вину он больше не притронулся, работал допоздна, даже на обед не ходил, наверстывал упущенное. На меня смотрел каким-то извиняющим взглядом, словно в чем-то провинился.

Я знал об этой слабости Рубцова и всячески оберегал его от «друзей», которые приносили ему огромный вред. Среди талантливых людей много таких, которые не способны в различных ситуациях сказать твердое «нет».

Некоторые близкие к Рубцову поэты, писатели, «друзья» утверждают, что Николай злоупотреблял спиртным в последние годы своей жизни. Возможно, это и было. В то время я с ним не встречался. Но тогда, когда он бывал у нас в редакции (1961, 1965, 1966, 1967 гг.), я ни разу не видел поэта пьяным или выпившим. Бывало, конечно, что на природе или в семейной обстановке выпивали. Но все было в меру и к месту. Мне думается, что некоторым недоброже-

лателям и завистникам хотелось бы представить талантливого поэта беспробудным пьяницей, чтобы принизить и опорочить светлый образ гения русского народа – Рубцова – поэта от Бога.

На снимке: половодье на Колпи, 1966 г.

ДРУЖИЛИ ПОЭТЫ

На одном из юбилейных вечеров, посвященному детскому писателю Николаю Ивановичу Матвееву, кто-то из присутствующих в зале спросил: «Почему Николай Рубцов любил бывать в Бабаеве?».

В зале воцарилась неловкая тишина. По всей видимости, ответа на заданный вопрос никто не знал. Вдруг в одном из рядов поднимается участник вечера молодой поэт Вилиор Иванов. «Да, потому, что в Бабаеве живет много поэтов – его друзей!» - взволнованно выкрикивает он и заканчивает: «Вот, почему!».

Прав был Вилиор Андреевич: во многом это обстоятельство обуславливало частое посещение Рубцовым бабаевской земли. И не только это. Наш зеленый город с благоухающими весной кустами сирени в палисадниках, сосновые боры, как магнитом притягивали Николая Рубцова. Страстно любивший свой северный край, поэт с восхищением и восторгом восклицал: «Какая красотища-то у вас, ребята! Море сирени! Сосновые боры! Речка! Завидую я вам, друзья. Берегите этот бесценный дар природы!».

Работая в редакции газеты «Ленинский путь» (1956-1986 гг.), неоднократно встречаясь с Николаем Рубцовым, смею утверждать, что поэт любил бывать у нас, много и подолгу работал в стенах редакции. В те годы у нас действительно было немало подающих большие надежды поэтов: Алексей Флегонтович Шейнов, Павел Михайлович Груничев, Николай Иванович Матвеев, относившиеся к старшему поколению. И молодая поросль: Вилиор Андреевич Иванов, Валерий Федорович Аншуков и другие. Любил Рубцов общаться с нашими литераторами. Его интересовало все. Он бывал в семьях наших сотрудников, крепко подружился с ними, помогал их творческому росту.

Сын Алексея Флегонтовича – Василий Шейнов вспоминает: «Будучи у нас в гостях, Николай Рубцов долго беседовал с моим отцом о поэзии, жизни, расспрашивал о войне (отец – участник ВОВ, инвалид), о семье. Беседа затянулась допоздна. Расставались тепло, как давние друзья. Отец еще долго вспоминал об этой незабываемой встрече, много рассказывал о Рубцове своим друзьям».

С Павлом Груничевым Николай Рубцов встретился в редакции, разговорились, нашли общий язык. Павел пригласил поэта к себе домой. Сестра Павла – Лидия Михайловна помнит эту встречу: «Как-то Павел пришел с работы не один, с ним был незнакомый молодой человек. Позже узнала, что это был Николай Рубцов. Пили чай, беседовали, читали стихи (читал Павел, Рубцов внимательно слушал). Рубцов одобрительно отозвался о некоторых стихах Павла, убеждал его ни в коем случае не бросать писать стихи. Задушевная беседа поэтов затянулась далеко за полночь. Гость остался ночевать».

Памятная встреча поэтов оставила глубокий след. Павел много пересмотрел в своем творчестве, многие стихи переписал заново. Именно в эти годы Павел Груничев написал и опубликовал в районке свои лучшие стихи: «Вечный огонь», «Осколок», «Они учились в этой школе», «Журавли», «Колпь», «Лосенок» и другие.

Определенное место в жизни Н. Рубцова занимает дружба бабаевского детского поэта Николая Ивановича Матвеева с тезкой Николаем Михайловичем Рубцовым. В их взаимоотношениях было немало противоречивого, спорного.

«Встретились мы с Рубцовым в Вологде на семинаре случайно, - вспоминает Матвеев, - я защищал там свою книжку. Слышу, как молодой человек в сером пальтишке читает изумительные стихи. Я подошел к Сереже Викулову и спрашиваю:

- Кто это?

- А Николай Рубцов, - отвечает он.

Это было в 1965 году. А в декабре этого же года Коля приехал в Бабаево. Мы подружились с ним. Однажды он говорит:

- Я хочу в деревню.

- Ах, ты в деревню хочешь?

С помощью молодого сотрудника редакции Вилиора Иванова, у которого мать жила в деревне Афанасово, мы отправили Рубцова на родину Вилиора».

По словам Матвеева, он гостил там около месяца. Николаю Рубцову в деревне не очень-то понравилось. Он вспоминал: «Какая это деревня? Ни магазина, ни клуба. По телефону не позвонить – он в нескольких километрах от деревни. Скуотища!». Вернулся в Бабаево и вскоре уехал в Вологду.

В отношениях двух Николаев меня многое смущало. Когда друзья работали вместе, между ними нередко вспыхивали размолвки по поводу стихов. Николай Матвеев был человеком сам себе на уме, любил едко пошутить, едко пошутить. Точно уж не припомню, отчего Рубцов вспылил, но дело дошло до того, что он вскочил из-за стола и выбежал на улицу. Долго курил. А Николай Матвеев ехидно бубнил: «Уж и слово нельзя сказать против». В конце концов, друзья помирились. Однако осадок неловкости оставался.

На снимке: Колпь на закате.

Особый разговор о дружбе молодого бабаевского поэта Вилиора Андреевича Иванова и Николая Михайловича Рубцова. С поэзией Н.Рубцова Вилиор Иванов познакомился, еще служа в армии. Прочитав в «Комсомолке» стихотворение «Море», он влюбился в поэзию Рубцова, она его заворожила и не отпускала. Позже, работая в районке, Вилиор неоднократно встречался с поэтом и очень подружился с ним.

О настоящей дружбе людей писать очень непросто, тем более, о дружбе поэтов, талантливых от Бога. Как только Николай Рубцов появлялся у нас в редакции, в Вилиора Иванова вселялся какой-то бес. Он терял самообладание. Следовал за Николаем, словно тень, различить их в эти моменты просто было невозможно. Их тянуло друг к другу, как магнитом, это были друзья

На снимке: слева - В. Смирнов, справа - поэт В. Иванов.

– не разлей вода. Вилиор буквально молился на своего литературного кумира.

Наблюдая за ними, я стал примечать, что и ведут они себя одинаково, как две капли воды были похожи внешне: оба невысокого роста, щупленькие, подвижные. Родные братья – близнецы, да и только. Их очень часто можно было видеть беседующими за столом, иногда спорящими. У Коли была привычка в такой беседе размахивать рукой. Виля (так мы звали Вилиора) внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова друга, внимал ему, кивал головой, как бы соглашаясь с доводами говорившего. За все время общения поэтов я ни разу не слышал, чтобы они повысили голос: тихо, мирно, с какой-то необыкновенной теплотой, одухотворенной любовью происходило это таинство поэтического общения. Меня это умиляло и удивляло: ведь многое в поэзии, в частности, в их стихах, было спорного, неизведанного. Обычно, в среде поэтов спор – дело привычное. «Почему Вилиор и Николай никогда не спорят?» - гадал я.

Безусловно, общение, поэтическая и крепкая мужская дружба с Николаем Рубцовым обогатила поэзию Вилиора, помогла ему стать настоящим талантливым поэтом. Его стихи стали лиричнее, музыкальнее и богаче. Об этом разговор впереди. Но сейчас я хочу поведать о другом. Много в их дружбе было странного и необъяснимого.

Поэты были дружны и близки духовно, чувствовали состояние друг друга на расстоянии. Как объяснить то, что за четыре года до трагической гибели Рубцова, бабаевской поэт Вилиор Иванов, каким-то шестым чувством узрел надвигающую на Николая беду, предугадал близкую кончину своего друга. В июне 1967 года в стихотворении, посвященном любимому поэту, появились такие провидческие строки:

*«Не стало в небе ни звезды...
Не стало светлого участия,
Пришло предчувствие беды,
Непоправимого несчастья...»*

(Н. Рубцову, «Ленинский путь», от 13 июня 1967 г. № 73).

Непостижимо, но факт! Что это? Мистика? Нет, не мистика – предвидение, которое сам-то Вилиор вряд ли осознавал. Такое предвидение – удел избранных, самых гениальных, талантливых людей. Таким даром обладал друг Николая Михайловича Рубцова – Вилиор Иванов. И, совсем не случайно, в автографе с подборкой стихов Коля напишет: «Дорогому талантливому Вилиору на память о встрече. Н. Рубцов. 4.IV.1967г.». Судите сами. Не всякий поэт удостоивался такой высокой оценки Рубцова-поэта. Этот автограф хранится в Бабаевской центральной районной библиотеке.

Из воспоминаний Н.А. Смирновой: «С июня 1969 по август 1970 года я работала в редакции газеты «Ленинский путь». Из всех литературных сотрудников больше других я была дружна с Вилиором. Он мне доверял. Знаю, что он и Николай Рубцов вели переписку. Однажды он предложил мне прочитать письмо от Николая, куда были вложены новые стихи Рубцова «Ласточка», и, если мне не изменяет память, «Воробей».

- Ну, как? – спросил он.

- Хороши, печатай, - ответила я.

Я и представить тогда не могла, что позднее эти стихи войдут во все программы по литературному чтению, и все мои ученики будут учить их наизусть.

Хорошо помню, получая очередное письмо от Рубцова, Вилиор пребывал в самом чудесном расположении духа целую неделю – он весь светился.

Несомненно, творческому расцвету поэзии нашего местного поэта Вилиора Иванова способствовала поэзия Николая Рубцова. В произведениях Вилиора ощущается влияние поэтического рубцовского начала. Они так же просты, музыкальны и приземленны. В них нет вычурности, пафоса. Все просто и гениально, как у Рубцова.

Как-то Николай Рубцов гостил на родине Иванова в деревне Афанасово.

Вилиор пишет об этом так:

*«Я горжусь, что избушка отцова
В материнской деревне моей.
Принимала однажды Рубцова –
Проповедника русских полей».*

Вилиор души не чаял в своем друге-поэте. У него есть такие изумительные поэтические строчки:

*«Был апрель, когда без слов
В скромной горнице моей
Поселились Н.Рубцов
И его «Звезда полей».*

И далее ... *Я души не чаял в нем
И не знал, что он плывет,
Уплывает с каждым днем,
Как последний пароход».*

(«Памяти поэта». «ЛП», 13 апреля 1974 г.).

А вот другие строфы замечательного поэта:

*«Житуху не порочь.
Она нам раз дается.
Уходят годы прочь,
Но память остается.
Взбираясь на Парнас,
Шагая к Льву Толстому,
Мы сохраняем в нас
Любовь к родному дому.
Тоску нам не пророчь
Несбыточными снами.
Уходят годы прочь,
Но Русь навечно с нами».*

И такие, ранящие душу строки:

*«... Ах, старушки... Сохнет жизни чаша,
Я ее наполнить не берусь.
Только Бог и совесть ваша
На плаву еще поддержат Русь!».*

Рубцовские интонации в стихах Вилиора слышны очень отчетливо. Оба поэта до сердечной боли страдали за свою Родину – Россию. Эта любовь к «родным овинам и жнивью», «избушкам отцовым» сближала поэтов, придавала их поэзии вселенское звучание. Они выполнили свое земное предназначение.

ние – стали истинными поэтами-певцами русских полей.

Воистину немало талантливых поэтов взрастила бабаевская земля. И со всеми дружил Рубцов, помогая их творческому обновлению. В свою очередь, бабаевские литераторы хорошо знали поэта-земляка Н. Рубцова, дружили с ним, помогали ему найти то, о чем он всю свою короткую жизнь мечтал – бескорыстную дружбу, уголок отдохновения от житейских забот. Уверен в том, что поэт нашел то, что искал. И совсем не случайно в его стихах мы читаем:

*«За все добро расплатимся добром
За всю любовь расплатимся любовью...».*
(«Русский огонек».)

МУЗЫКА В ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Беседа о музыке у нас с Николаем зашла случайно. Я уже упоминал о том, что Рубцов очень любил работать по вечерам, когда большинство сотрудников редакции уходило по домам. Вот и в этот день, за час до окончания рабочего времени, Николай подошел ко мне и завел разговор о том, чтобы поработать еще часок – другой.

- Испроси у редактора разрешения поработать вечером, очень нужно закончить одну вещицу.

- Сделаем, - пообещал я.

Захожу в кабинет шефа, излагаю, свою и Рубцова, просьбу.

- Под твою ответственность, чтобы комар носа не подточил.

- Все будет чин-чинарем.

Тут же докладываю Николаю о решении редактора. Гость очень обрадовался, даже руки потер от удовольствия: «Поработаем! Ох, как я рад. Большущее спасибо, Валентин, выручил, друг!».

Кроме нас с Николаем, на продленку остались Вилиор Иванов, Валерий Аншуков. Работы у всех хватало, газета требовала материалов («угля») - как шутили сотрудники, мелкого, но...). Обстановка витала творческая. Николай трудился с упоением, настроение – лучше некуда. Он спешил завершить новый цикл стихов. Не замечая ничего вокруг, он что-то даже мурлыкал про себя. Кстати, я раньше этого за ним не замечал. А тут поет человек, ручка сноровисто подпеваает: вжик, вжик...

У меня в этот вечер тоже все клеилось, писалось легко, дело спорилось, на душе – музыка. Сам того, не замечая, я мурлыкал мелодию, которую разучивал на баяне. Это был полонез Огинского. Вроде бы и пел тихо, про себя.

- Ну-ка, ну-ка, что ты тут мурлычешь, - подвигаясь вплотную, - поинтересовался Николай.

- Да, так, мелодию одну на баяне разучиваю, вернее, мучаю, - отшутился я.

- Полонез Огинского?

Николай как-то весь загорелся, заулыбался.

- Сыграть можешь?

- Да.

- Здорово! Молодец! С удовольствием бы сейчас послушал, очень люблю эту замечательную мелодию. Как-нибудь обязательно заскочу послушать.

Не заскочил, не послушал, не успел.

Я знал, что Николай хорошо играл на гармошке, под ее аккомпанемент пел стихи. До этого я играл на гармошке (у меня их было две). И об этом я поведал Николаю. До последних дней я надеялся, что Рубцов снова приедет к нам, и я сыграю ему полонез. Любимое произведение было исполнено почти через 40 лет баянистом Борисом Лелюком на открытии рубцовского зала в Бабаевской средней школе № 1 в День 70-летия со дня рождения Николая Михайловича Рубцова.

Поэт не только умел и любил играть на гармошке, гитаре, в его стихах музыка играет важнейшую составную часть. Убери эту музыкальность из его стиха – не будет стиха и рубцовской звонкоголосой поэзии. Рубцов и музыка неразделимы, и существовать друг без друга не могут. Вспомните стихотворение «Зимовье на хуторе»:

*«Я не один во всей вселенной,
С о мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной
В печи березовый огонь...».*

Поэт берег гармонь, подаренную ему писателем Василием Беловым. Он не расставался с нею до последних дней жизни. Гармонь пользовалась у поэта особым почетом и уважением. Об этом красноречиво говорят строки:

*«Как звонко, терзая гармошку,
Гуляли под топот и свист,
Какую чудесную брошку
На кепке носил гармонист...»*

(«Что вспомнил я?»)

С какой теплотой любовью пишет он о своей неразлучной:

*«Вчера за три мешка картошки
Купил гармонь.*

*Играет – во!
Точь-в-точь такая, как у Лешки,
У брата друга моего!».*

Если у гармошки предназначение – веселить, помогать жить и строить, то у гитары, скрипки иное амплуа. Скрипки у Рубцова «плачут о прошедшей любви, о прожитом...», «о желтом плесе, о любви».

Вспоминается такой случай. Как-то вместе с Николаем Матвеевым Рубцов оказался в гостях у бабаевского художника Генриха Романишникова. Увидев висящую на стене гитару, он сразу потянулся к ней.

- Можно поиграть? – спросил он у хозяина.

- Пожалуйста!

Николай настроил гитару и как ударил по струнам это: «А замети, метель-метелица...». Занятно получилось, играл он неплохо.

Особое отношение у поэта к колоколам. Он наделяет их могучей музыкальной одухотворенностью. Звон колоколов, их благовестные звуки как бы возвышаются над миром, над людьми, делают жизнь людей чище и добрее:

*«Пасха под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом...».*

И, как гимн колоколам, звучат строки:

*«И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...».*

(«Левитан»).

Очень часто в стихах поэта, как живое существо, выступает баян:

*«И тогда в притихшем сельсовете,
Где баян, бахвалится и врет,
Первый раз за множество столетий
Все пойдут старательно, как дети,
Танцевать невиданный фокстрот».*

Многострадальная радиола у Рубцова вызывает:

*«Стала звать радиола:
Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!».*

(«Фиалки».)

Можно еще и еще приводить примеры того, насколько тесно, органично

но вошла в поэзию Н.Рубцова музыка. Пожалуй, ни у одного из великих русских поэтов вы не найдете такой насыщенности стиха музыкой. Его стихи сами по себе – музыка высочайшей пробы. На стихи поэта сочинено десяткц песен. Только наш местный композитор Борис Лелюк написал и переложил на музыку более двух десятков песен. Их поют самодеятельные хоровые коллективы, они звучат с экранов телевизоров, их слушают по радио. Вся Россия поет рубцовские песни, их переводят на многие языки мира. Пусть все громче и громче звучит жизнеутверждающая музыка поэзии Николая Михайловича Рубцова – певца русских полей. Он заслужил это почитание своим талантом, всей своей многострадальной жизнью, служением горячо любимой Родине – России.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

(«Видения на холме».)

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ КРАЯ

Однажды, подходя к зданию редакции, что располагалась на улице Карла Маркса, у витрины, где вывешивалась районка, я встретил двух молодых людей. Это были сотрудник редакции Вилиор Иванов и Николай Михайлович Рубцов. Они о чем-то возбужденно беседовали, жестикулируя руками. Я поинтересовался: «Что такой шумный базар устроили?»

- Да, вот, Николая заинтересовал материал Николая Матвеева о возникновении города Бабаева, вернее, о том, почему он так называется.

В рассказе Матвеева были даны две версии возникновения названия поселения. Первая версия говорит о том, что Бабаево возникло, получило свое название от совпадения слов «баба - ево!»

Спускались на плоту, или лодке вниз по течению Колпи мужик и баба. Река Колпь в те времена была полноводной. Подплывая к месту, где раньше располагалась больница и школьный городок (ныне Пролетарская восьмилетняя школа), мужик увидел разбросанные тут и там строения. При этом некоторые строения были довольно высокие, походили больше на промышленные здания. Это были металлургические (железоделательные) заводы промышленника Балашова. Примитивные, по нынешним меркам, они выпускали сотни пудов гвоздей, заклепок, скоб, проволоки. А железо привозили из деревни Тырпец, Устюжны и других волостей. Увидев такое скопление изб, мужик от неожиданности крикнул, указав на поселение: «Баба! Ево!» Смотри, мол, какое чудо перед тобой. Так и пристало слово «Бабаево» к этому поселку. А со строительством железной дороги в 1905 году и железнодорожной станции, а позже и

самого селения вдоль реки Колпь – получило название города Бабаева.

Вторая версия. Будто бы в далекие времена татаро-монгольского нашествия, один из отрядов Батые заблудился в бескрайних лесах Севера и вышел на берег Колпи в районе «Старого Завода» (так называлось место, где был когда-то железодельный завод), и здесь татары осели. Возглавлял остатки отряда некий военачальник Бабай. Его именем и назвали населенный пункт (нынешняя деревня Бабаево). Так или не так это было, сейчас трудно сказать. Думаю, обе версии имеют право на существование. Оспаривать дела давно минувших дней – дело неблагоприятное. Поверим автору на слово.

Николаю обе версии пришлись по душе:

- Может, так оно и было. Но я вспоминаю об очень интересной аналогии.

И Коля рассказал нам почти фантастическую историю, а может – легенду.

- Я как-то услышал от старожил-вологжанина, что название города Вологда произошло от слова «волоок». Когда-то при Иване Грозном, чтобы доставить в северные волости (Архангельск, Кемь, Соловецкие острова) товары, делали широкие просеки - волоки, по которым везли на лошадях, по болотистым местам – на волокушах – разные промышленные изделия, пушнину, пеньку, продукты. А так как цари вели войны со шведами и немецкими рыцарями, то по этим волокам везли пушки, ядра, порох и другой военный провиант. Волоками перетаскивали деревянные корабли, шлюпы, лодки. Особенно интенсивно использовались эти волоки во время войны со шведами. Сотни тысяч крепостных крестьян, каторжников полегли на этих «дорогах» от непосильного нечеловеческого труда. Почти все волоки в центральной части России проходили через Вологду, Белозерск, Устюжну. И с чьей-то подачи, звук «к» в слове «волоок» стал звучать как «г». А так как волоки проходили через Вологду, то один из царских чиновников спросил у начальника проходившего через город обоза:

- Вы, каким волоком следовали? Кемским? Архангельским?

- Волок был. Да! Какой? Не знаю, запомнил.

- Так волок – да, или волок – нет?

- Да, Волог-Да, Вологда.

С тех пор и стала называться наша областная столица – Вологдой. Версии-то похожи, как две капли воды. Можете верить мне на слово. От этого Вологде не жарко, не холодно...

Рубцов весело засмеялся своей шутке. До начала рабочего дня оставалось минут 10-15, и разговор переключился на поэзию.

- Николай, за тобой должок, - сказал Вилиор.

- Ты обещал. В очередном номере идет «Литературная страница», для двух-трех стихов оставлено место. Только, чур, стихи самые-самые новые.

- Будут тебе стихи, иду работать.

И поэт не сбманул наших ожиданий. Не выходя из-за стола, он написал пару стихов, которые были опубликованы в очередном номере газеты. Несколько позже с помощью Федора Дмитриевича Кучмая и воспоминаний Вилиора

Австраф Н. Рубцова, данный Вилиору Иванову. В. Иванов подлил его районной библиотеке на вечер, посвященном Н. Рубцову, 1 января 1996 года

*Дорожному талантливому Вилиору
На память
и без него
Николаев 01.01.96*

Иванова я точно установил: это были стихотворения «Ворона» и «Медведь», опубликованные в «ЛП» № 49 за 22 апреля 1967 года. У меня сохранился номер этой газеты с подборкой стихов Вилиора Иванова, Николая Рубцова, Алексея Шейнова. Эти два стихотворения Н. Рубцова ранее нигде не публиковались и были напечатаны впервые в нашей районке. Это были последние произведения, которые Николай Рубцов написал в стенах редакции и опубликовал в Бабаеве. Больше с поэтом я не встречался. Шел 1967 год. До трагических событий оставалось всего четыре года. Далее – жгучая боль утраты...

БОЛЬ УТРАТЫ

Известие о гибели любимого поэта повергло нас всех в шок. Как же такое могло случиться? Возможна ли вообще такая трагическая случайность? Что случилось с Николаем? Вопросы, вопросы... Ответа вразумительного никто не дал. Не прояснил вопроса и состоявшийся над убийцей суд. Имя изверга, лишившего нас талантливого поэта, называть омерзительно. Тем более имя женщины, так безжалостно расправившейся с беззащитным человеком.

Все сотрудники редакции любили Николая Рубцова, помогали ему материально и духовно, дружили с талантливым лириком. И, каково было узнать, что нашего Коли не стало, что к нам он больше не приедет, не скажет: «Ребята, как у вас хорошо, люблю я вас, чертяки эдакие!»

Больше всех утрату переживал друг Николая – Вилиор Иванов. Он, как тень, ходил из угла в угол, не мог работать. Друзья подбадривали Вилю, но ничего не могло восполнить потерю и облегчить его боль. На работу он прихо-

дил хмурый, невыспавшийся, заплаканный. Вилиор не стеснялся своих слез, когда ему напоминали о друге. Он долго боролся со свалившейся на него бедой. Однако, удар был настолько сильным, что справиться с горем он не нашел сил, запил. Приходил в редакцию, садился за стол, но работать не мог. Даже стихи перестал писать. Семейная жизнь покатила под откос. Развелся с женой, беспробудно пил. В конце концов, редактор вынужден был написать приказ об его увольнении. Позже Вилиор уехал в деревню Афанасово к престарелой матери. Пытался работать заведующим сельского клуба; но это у него получалось плохо. И здесь «зеленый змий» не отпускал талантливого поэта. При жизни у него вышла всего одна книжка стихов. Начал готовить материал для нового сборника, но не успел. В 2005 году поэт скончался в расцвете творческих сил. Так закончилась красивая и очень теплая дружба двух талантливых людей – поэтов Николая Рубцова и Вилиора Иванова.

Мы хорошо сознавали, что смерть поэта Николая Рубцова – таланта земли русской - невосполнимая утрата. Малое утешение нам – его пронзительные строки стихов:

*«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...»*

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны».)

Утешением нам, бабаевцам, служит то, что при жизни Николай Рубцов написал и опубликовал в нашей газете около двух десятков своих стихотворений (большинство впервые), чем мы гордимся. Также впервые помещены три его фотографии, снятые в Бабаеве. В последние годы были напечатаны воспоминания Вилиора Иванова и автора этих строк. У нас поэт представлен в подлинниках. А недавно появился отлично оформленный рубцовский зал в Бабаевской средней школе № 1. Здесь и стихи, написанные и опубликованные в нашей районке, и фотографии, и воспоминания очевидцев, встречавшихся и общавшихся с поэтом. Огромная заслуга в оформлении рубцовского зала – Заслуженного учителя Российской Федерации Федора Дмитриевича Кучмая. Оформлены залы Рубцова и в других школах района.

Память Рубцова у нас чтят многие любители и почитатели его звонкой поэзии. Для меня, Николай Михайлович Рубцов - вечный оазис вдохновения, он всегда со мной, во мне, живое воплощение русского человека и Поэта – таланта от Бога.

КАКИМ БЫЛ РУБЦОВ?

Меня частенько спрашивают: каким был Николай Рубцов? Вопрос непростой, сразу не ответишь, одним мазком портрет поэта не нарисуешь. Разным был Николай. И простым был, но чаще – сложным, противоречивым. Но одно можно сказать: это был кристально честный, правдивый, очень открытый человек. Как сейчас помню его слова: «Не люблю, когда люди врут и еще, когда бахвалятся – вот мол, какой я хороший, все могу». Очень не любил людей (поэтов), которые следовали принципу: «Чего изволите?». Сам Николай никогда ни перед кем не пресмыкался, никому не кланялся. За эту его «ершистость», «неуживчивость» его не любили властьпридержащие и сделали все, чтобы убить неудобного поэта.

Мог ли поэт жить и творить в таких неласковых ежовых рукавицах? Ответ напрашивается сам – не мог, не умел. Вся его поэтическая натура противилась этому многоликому злу. Но силы были неравные – поэт погиб. Стихи Николая Рубцова – яркий пример победы поэта в неравной схватке с многоликим врагом силы тьмы.

Время – истинный ценитель того, что создано поэтом. Его творчество с каждым годом раскрывает нам новые глубины прозрения и очарования. И мы с изумлением и восхищением читаем и перечитываем:

*«И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...»*

Звезда поэзии Н.Рубцова с каждым днем разгорается все ярче и ярче. И никаким враждебным силам не погасить этот русский светоч:

*«Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя...»*

(«Русский огонек».)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Малоизвестный Коля Рубцов	3
2. Встречи с Николаем Рубцовым	7
3. Друг всегда уступить готов... ..	14
4. Дружили поэты	17
5. Музыка в жизни и поэзии Николая Рубцова	23
6. Экскурс в историю края	26
7. Боль утраты	28
8. Каким был Рубцов?	30